

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243

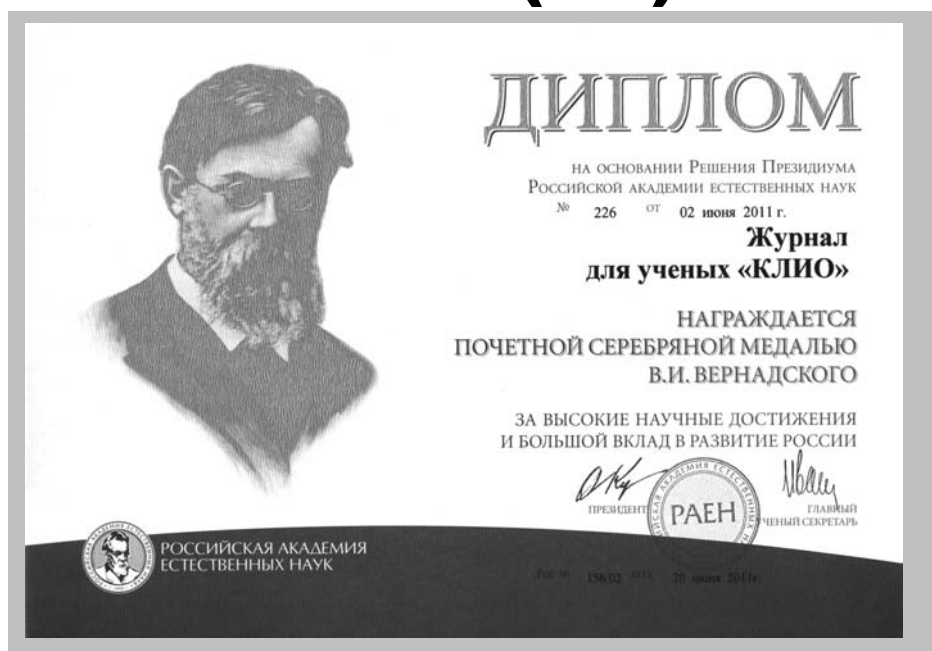
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых

№ 10 (82)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011 Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »
2013**

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полтора». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://poltorak.spb.ru/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала «Клио» Санкт-Петербургского университета

в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: politorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru www.politorak.spb.ru

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кропачев Н.М.</i> К читателю	3
<i>Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Изучение истории университета на историческом факультете	4

Академический университет. Главный педагогический институт. 1725–1819.

<i>Костина Т.В.</i> (Санкт-Петербург). Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг.	6
<i>Жуковская Т.Н.</i> (Санкт-Петербург). Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819)	15

ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. 1819–1917

<i>Жуковская Т.Н., Любезников О.А.</i> (Санкт-Петербург). Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения	26
<i>Ростовцев Е.А., Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917)	36
<i>Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ	42
<i>Тихонов И.Л.</i> (Санкт-Петербург). Археологические коллекции в музеях Императорского Санкт-Петербургского университета	49
<i>Олесич Н.Я.</i> (Санкт-Петербург). Петербургский университет на пути к олимпийскому движению	54
<i>Ростовцев Е.А.</i> (Санкт-Петербург). Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890)	57
<i>Зиборова Е.О.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие переписи в петербургском университете в начале XX в.	65
<i>Брачев В.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете	68
<i>Ростовцев Е.А., Андреева В.В.</i> (Санкт-Петербург). Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы	77
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Г.В. Вернадский и Петербургская историческая школа	88
<i>Ходяков М.В.</i> (Санкт-Петербург). Иван Адрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А.В. Колчака	92
<i>Гаврилова О.А.</i> (Санкт-Петербург). И.Л. Солоневич: «Я более или менее окончил Санкт-Петербургский императорский университет...» (Опыт сравнительной студенческой биографии)	94
<i>Ратьковский И.С.</i> (Санкт-Петербург). Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете	99
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). О свидетельствах и дипломах бестужевков	102

УНИВЕРСИТЕТ В XX ВЕКЕ

<i>Кривоноженко А.Ф.</i> (Санкт-Петербург). Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг.	104
<i>Петров В.В.</i> (Санкт-Петербург). «Большой была его работа и яркой – жизнь его...». В.Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926–1927 гг.	109
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). Военные страницы одной биографии преподавателя университета	112
<i>Петров И.В.</i> (Санкт-Петербург). Исторический факультет ЛГУ 1930-х гг. в воспоминаниях Николая Николаевича Рутченко-Рутыча. (Памяти Н.Н. Рутченко-Рутыча (04.1916–04.05. 2013 гг.))	113
<i>Конохова А.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-х гг.	117

К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С.Н. ВАЛКА

<i>Цамутали А.Н.</i> (Санкт-Петербург). Несколько добрых слов об С.Н. Валке	121
<i>Ганелин Р.Ш., Чернуха В.Г.</i> (Санкт-Петербург). Сигизмунд Натанович Валк – к 125-летию со дня рождения . 124	
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет	126

Приймак Н.И. (Санкт-Петербург). О письме С.Н. Валка А.С. Лаппо-Данилевскому [1915 г.]	130
Свердлов М.Б. (Санкт-Петербург). Учил своим примером... ..	133
Федорова Т.С. (Санкт-Петербург). С.Н. Валк в моей жизни	135
Ткаченко И.В., Иванова В.И. (Санкт-Петербург). Выпускники исторического факультета ЛГУ 1957 г. о профессоре Сигизмунде Натановиче Валке	136
Ростовцев Е.А., Шишов В.О. (Санкт-Петербург). С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в.....	138

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ХРОНИКА

Сосницкий Д.А. (Санкт-Петербург). История Санкт-Петербургского университета в сетевом пространстве	145
Потехина И.П. (Санкт-Петербург). «И всё-таки – что ж это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова)	149
Калинина Е.А. (Петрозаводск). Мы знаем, что значит война...»: воспоминания, письма, дневники университетов военных лет (рецензия)	152
Ансберг О.Н., Костина Т.В. (Санкт-Петербург). К десятилетию семинара по истории высшей школы	154

ЮБИЛЕЙ

Юбилей профессора В.А. Кутузова.....	156
--------------------------------------	-----

¹⁹¹ Интересы дня // Свет. 1911. 11 марта. № 67. С. 1.

¹⁹² Наказание за обструкцию («Все спокойно!!») // Русское знамя. 1911. 13 марта. № 58. С. 3.

¹⁹³ Государственная дума. За неделю. 10 миллионов на народное образование. Закон против пьянства. Волостное земство. Запросы о высшей школе и о праздновании 19 февраля // Звезда. 1911. 19 февр. (4 марта). № 10. С. 13–17.

¹⁹⁴ В высшей школе. С.-Петербург. Университет // Звезда. 1911. 19 февр. (4 марта). № 10. С. 17.

¹⁹⁵ В литературе приводятся разные цифры на этот счет: от 1500 человек (*Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 31; *Завадский Н.Г.* Указ. соч. С. 239.) до 392 (в очерке Н.Г. Сладкевича и В.А. Овсянкина в кн.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 176), что отчасти объясняется различными показаниями источников (См.: Справка о числе студентов и слушательниц, исключенных из высших учебных заведений ведомства МНП по 11 февраля с. [1911] г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 23; Список лиц, исключенных из высших учебных заведений С.-Петербургского учебного округа РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 207. Л. 63–69 об.; Список лиц, исключенных из высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 111–119; Сведения о числе студентов, уволенных из высших учебн. заведений, за участие в последних беспорядках // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 187 и др.). Мы, вероятно, вслед за В.Г. Савельевой и В.П. Яковлевым (*Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Указ. соч. С. 19) опирались на «Список студентов исключенных, обратно принятых и допущенных к испытанию в качестве экстернов по 16 декабря с. [1911] г.» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 167), поскольку он составлен с учетом исправлений чиновниками министерства разного рода ошибок, сопровождавших начальные подсчеты.

¹⁹⁶ *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 156.

¹⁹⁷ Протокол заседания совета СПб. университета. 14 марта 1911 г. // Протоколы заседаний совета... С. 90; Протокол заседания совета СПб. университета. 16 мая 1911 г. // Там же. С. 107–108. Как установила полиция, для 76% исключенных студентов (т.е. 276 человек из 348 подавших к маю 1911 г. прошения об обратном приеме) «не встречается препятствий» к восстановлению (см.: Протокол заседания совета СПб. университета. 12 сентября 1911 г. // Там же. С. 146).

¹⁹⁸ В высших учебных заведениях // Биржевые ведомости. 1911. 15 марта. № 12222. С. 3.

¹⁹⁹ В Высших учебных заведениях // Речь. 1911. 15 марта. № 1668. С. 3.

²⁰⁰ В высших учебных заведениях // Биржевые ведомости. 1911. 16 марта. № 12224. С. 2.

²⁰¹ Декларация комитета (Из мрака студенческой жизни) // Русское знамя. 1911. 18 марта. № 62. С. 2.

²⁰² Об учебных заведениях (Действия правительства) // Русское знамя. 1911. 18 марта. № 62. С. 3.

²⁰³ «Учащееся» студенчество (СПб) // Русское знамя. 1911. 18 марта. № 62. С. 3.

²⁰⁴ *Муций.* Денежный отчет (Из мрака студенческой жизни) // Русское знамя. 1911. 20 марта. № 64. С. 2.

²⁰⁵ В высшей школе. Университет // Звезда. 1911. 19 марта (1 апреля). № 14. С. 21.

²⁰⁶ См. подробнее: *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 109–120.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ ДВОРНИЧЕНКО

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры истории России с древнейших времен до XX в. исторического факультета СПбГУ, заместитель проректора по научной работе – директор Музейного комплекса Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-48; E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru, museumspbu@yandex.ru

В статье автор пытается установить связь между выдающимся эмигрантским историком и петербургской исторической школой. Влияние последней обнаруживается во время пребывания Вернадского в Петербургском университете в 1913–1917 гг. и в начальный период эмиграции.

Ключевые слова: Георгий Владимирович Вернадский, Санкт-Петербургский университет, петербургская историческая школа, история России, эмиграция.

Г.В. ВЕРНАДСКИЙ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА*

Георгий (в США – Джордж) Вернадский – наверное, самый выдающийся историк русского зарубежья.

Написано о нем досадно мало¹, что объясняется критическим отношением в советский период и удаленностью его уникального архивного фонда, который находится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк). Между тем происхождение ученого (сын знаменитого геолога и естествоиспытателя В.И. Вернадского), его судьба, его творчество, да и тот же его уникальный архив делают фигуру Г.В. Вернадского необычайно притягательной для анализа. Он сумел воплотить в себе многие типические черты эпохи и науки, но благодаря таланту и обстоятельствам своей жизни сумел далеко не типично их отразить. В данной статье предпринята попытка установить связь историка с петербургской исторической школой. Кстати, в своей историографической работе (интересной, но, к сожалению, короткой) историк не употребляет термин «школа». Однако он рассматривает отдельно учеников В.О. Ключевского и учеников С.Ф. Платонова², что позволяет думать, что такие понятия, как «петербургская» и «московская» школы им признаются. К этому располагают и некоторые ремарки в его воспоминаниях.

Историк родился в Петербурге, но затем переезжал с места на место. Однако, несмотря на переезды, на него

оказало огромное воздействие так называемое «Приютинское братство», основанное в 1880-е гг. студентами Петербургского университета. Конечно, этот кружок был «скорее дружеским союзом единомышленников, чем ученым обществом»³, но тем большее влияние оказал он на ребенка. Не случайно уже на склоне лет Вернадский уделил столько внимания воспоминаниям о Приютинском братстве⁴.

После окончания 5-й Московской гимназии, давшей ему прекрасное гуманитарное образование, он поступил в Московский университет. В условиях начавшейся смуты родители решили отправить юношу в Германию. Там он поступил во Фрайбургский университет в Бадене. В университете Георгий записался на три курса – Георга фон Белова (город немецкого Средневековья), Г. Риккерта (философия истории) и Фридриха Мейнеке (английская история XIX в.)⁵. Это целый букет! Тут и неокантианство, которое юноша с удовольствием принял, и глубокие суждения Белова о средневековом городе, и историзм Мейнеке.

Вернувшись в Москву, Георгий восстановился в университете. Здесь он слушал художественные лекции В.О. Ключевского (семинаров тот уже не вел). Но «для вникания в методологию» большую пользу принесли ему лекции по Средним векам Д.М. Петрушевского и А.Н. Савина по новой истории⁶. Их он и называет своими учителями. По русской истории были очень полезны лекции и семинары М.М. Богословского. Меньше вынес из занятий в семинаре А.А. Кизеветера. Работал в преемниках С.В. Юрлова и А.И. Яковлева. Очень содержательны были лекции М.К. Лю-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках работ по проекту «Биографический словарь историков Петербургского университета (XVIII–XX вв.)», проект 12-01-00191.

бавского (в семинарах его Георгий не работал). На склоне лет историк писал: «О всех их вспоминаю с благодарным чувством»⁷.

Поскольку юноша по совету учителей много занимался самостоятельным чтением в области истории, он уже тогда ознакомился и с классиками русской исторической науки и был в курсе новых трудов. Большое впечатление на него произвели труды главы петербургской исторической школы С.Ф. Платонова, и он проникся к нему глубоким уважением.

В 1910 г. он окончил университет, защитив под руководством М.М. Богословского кандидатское сочинение на тему «Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.»⁸. Кстати, получил диплом первой степени.

Темой для занятий он выбрал историю неведомой земли – Сибири. Его выбор одобрил отец. Советовался он и с М.М. Богословским. Громадный и неизученный материал находился в архиве Министерства юстиции в Москве за Девичьим полем. Историк с головой погрузился в работу, результатом которой стали три содержательные статьи. Результатом этим он был удовлетворен – «это было уже основательное исследование». Он даже планировал экспедицию в Сибирь для «непосредственного знакомства с первобытными племенами».

Однако организационно все вышло не так гладко. Ч.Дж. Гальперин, кстати, не понял ситуации. Он пишет об отсутствии у Вернадского руководителя в Московском университете по той причине, что Ключевский семинаров не вел, а Любавский занимался историей польско-литовской, а не русской. И Вернадский решил готовиться к экзаменам в Петербургском университете⁹. Все было совсем не так! И тогда, и сейчас ту историю, которой занимался Матвей Кузьмич Любавский, мы считаем русской. Я и сам по ней докторскую диссертацию защищал¹⁰.

Просто Георгий лекции Любавского посещал, а в семинаре не работал. Поэтому у Вернадского не было оснований просить Любавского об «оставлении для подготовки к профессорскому званию», а у того не было оснований «оставить» Георгия. Поэтому Георгий решил заняться русской историей самостоятельно, с тем чтобы, когда у него будут ученые труды, завести переговоры о принятии его Любавским (или кем-либо другим) под свое руководство¹¹.

Жизнь решила эту проблему по-другому. В 1911 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо грубо вмешался в жизнь университета, нарушил его автономию, отстранив от должности ректора и проректора. В знак протеста значительное количество преподавателей, в том числе и В.И. Вернадский, ушли из университета. Не будем осуждать и тех, кто остался. Например, М.К. Любавского, который, став ректором, спас университет от дальнейших гонений.

Владимир Иванович еще в 1909 г. был избран экстраординарным академиком, но не мог разорвать связь с Московским университетом. Теперь, что называется, «несчастье помогло», и ученый перебрался в столицу. В 1912 г. он был избран ординарным академиком. Жил он в знаменитом академическом доме у Благовещенского моста, сейчас буквально увешанном мемориальными досками

Георгий посчитал «морально невозможным» для себя думать о дальнейших связях с Московским университетом и обратился к С.Ф. Платонову с просьбой руководить его магистерской диссертацией. Платонов вызвал его к себе и после долгого откровенного разговора согласился. «Инициация» в Петербургском университете была весьма непростой. Историк проходил ее с осени 1912 по весну 1913 г.¹² Специалисты дали Георгию для изучения четыре вопроса – по русской истории (С.Ф. Платонов), по истории Древнего мира (М.И. Ростовцев), по медиевистике (И.М. Гревс) и по новой истории (Н.И. Кареев).

По русской истории необходимо было выполнить так называемую «клаузурную работу». Тут попахивало уже средневековой инквизицией. Соискателя заперли в специальной комнате в подвале университета наедине лишь с письменными принадлежностями и запечатанным конвертом, в котором была обозначена тема работы. Вернадскому достался вопрос «Послание Вассиана к Ивану III».

Что тут скажешь? Вот это была школа! Не каждый из нас сейчас с ходу справится со столь сложными вопросами...

Да еще в условиях разгула природной стихии. Как раз в это утро началось наводнение, о чем давали знать пушечными выстрелами. Соискатель уже опасался судьбы княжны Тарakanовой, но, к счастью, все обошлось.

Георгий с честью выдержал все испытания. Теперь предстояло выбрать тему магистерской диссертации. Препятствия не годились, так как для ее завершения пришлось бы много ездить в Москву, запастись материалами. Решено было выбрать новую тему.

С.Ф. Платонов советовал взять тему из близкой ему Московской Руси. Георгия, однако, потянуло к периоду, который и по сей день самый неизученный в нашей науке – «осямнадцатому» столетию. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский дал хороший, в общем-то, совет: написать биографию видного елизаветинского вельможи П.И. Шувалова «на фоне его правительственной и коммерческой деятельности». Но Георгию основывать диссертацию на биографии, хотя бы и крупного государственного деятеля, не хотелось¹³.

Счастливым обстоятельством было то, что он вновь встретил своего московского учителя истории Барскова, который в это время служил старшим научным сотрудником Государственного архива в Петербурге. Главным научным интересом Якова Лазаревича была история старообрядчества (он сам был старообрядец), однако интересовался он и масонством. Именно Барсков присоветовал Вернадскому заняться историей русского масонства XVIII в. Много помогли советы Д.И. Шаховского, Б.А. Модзалевского, В.И. Саитова, В.П. Семеновича, а также очень интересного человека, мистика, оккультиста Н.П. Киселева¹⁴.

Эту тему одобрили все: отец, Лаппо-Данилевский и даже Платонов, который показал этим широту своих взглядов и свое внимательное отношение к интересам учеников. Но почему историк выбрал эту тему? Сам он так пишет об этом: «Я не масон и никогда масоном не был, но меня заинтересовали широкие международные связи русского масонства и возможность исследования его на фоне истории европейской умственной жизни»¹⁵.

Упоминание Н.П. Киселева заставляет думать и о влиянии романтической мистики (мистической романтики?), которая окружала масонство. Как в свое время эта романтика вовлекла в ложу молодого Н.М. Карамзина, так во многом она была причиной увлечения историей масонства Вернадским – ведь он был еще очень молодым человеком! Как бы то ни было, историк энергично взялся за дело.

1 июля 1913 г. он был избран на должность приват-доцента по кафедре русской истории историко-филологического факультета¹⁶. При большом количестве приват-доцентов лекции и семинары только немногих из них давали право студентам получить у них зачет. По представлению Платонова лекции Георгия были отнесены к категории зачетных.

С одобрения того же Платонова он объявил два курса – по истории Сибири и по истории русского масонства. Правда, народу на них записывалось немного: каждый год от трех до пяти студентов, причем историю Сибири обычно выбирали сибиряки: якуты или буряты.

Историк вживался в университетскую среду. Да простит такая игра слов, но легче всего это было делать по платоновским «средам». На этих вечерах бывали многие бывшие ученики Платонова, а в это время его коллеги: С.В. Рождественский, А.Е. Пресняков, М.В. Полиевктов, П.Г. Васенко. Более молодые ученики – А.И. Андреев, С.Н. Валк, А.А. Введенский, А.И. Заозерский, П.Г. Любимов, Б.А. Романов, В.В. Саханев – составляли «кружок молодых историков». «Они дружелюбно приняли меня в свою компанию», – отметил в своих воспоминаниях Георгий. У Платонова он познакомился и с Александром Андреевичем Спицыным, что еще больше усилило интерес к археологии¹⁷. В то время выдающийся археолог уже трудился в Петербургском университете, куда был приглашен по инициативе Платонова¹⁸.

В рояльной столовой все сживулоно беседовали дружно, запивая беседу чаем. Под конец вечера общим

вниманием овладевал сам Сергей Федорович, который необыкновенно ярко и увлекательно рассказывал о своих поездках по старым городам и монастырям в поисках древних рукописей.

Бывал Георгий и на вечерах у Лаппо-Данилевского, куда приходило всего несколько человек. Александр Сергеевич обыкновенно беседовал с каждым из гостей отдельно, по очереди, потом завязывался и общий разговор. У Лаппо-Данилевского были широкие связи с иностранными учеными – в Европе его считали как бы представителем русской исторической науки¹⁹. Именно благодаря Александру Сергеевичу Георгий познакомился с иностранными историками, в том числе двумя американцами: Франком Голдером (занимавшимся историей Сибири) и Р.Г. Лордом (интересовавшимся польской историей). Голдер в дальнейшем сыграет исключительную роль в судьбе историка.

А.С. Лаппо-Данилевский удивлял Георгия необыкновенной широтой охвата всего течения русской истории. От общения с ним он, как и другие начинающие и вполне сложившиеся ученые, приобрел много знаний, навыков и идей. В это же время Георгий познакомился с выдающимся археографом С.Н. Валком и историком русского права М.А. Дьяконовым. Из других петербургских историков ближе всего он сошелся с М.Д. Приселковым, о магистерской защите которого ярко написал в своих воспоминаниях. Много общался Георгий и с А.А. Корниловым, который был другом родителей, а потом стал и его другом. С именем Александра Александровича связан последний досоветский печатный курс русской истории XIX в.

Вернадский с увлечением взялся за написание диссертации. Он изучил большое количество материалов по истории масонства в Публичной библиотеке, в Государственном архиве, библиотеке и архиве Конференции Академии и Морском архиве в Петербурге; в Историческом музее и Румянцевской библиотеке в Москве и Тверской Ученой архивной комиссии. В русле этой работы было и издание статей покойного академика А.Н. Пыпина по истории масонов, которое историк выполнил по просьбе дочери академика Веры Александровны Пыпиной-Ляцкой²⁰. Георгий снабдил книгу обширными примечаниями, в которых учел новейшие труды, исправил ошибки. Подготовка книги потребовала больших усилий, но принесла большую пользу и науке, и самому историку.

Помимо работы непосредственно над диссертацией, были, что называется, и сопутствующие сюжеты. С помощью жены Нины он составил карточный каталог всех масонов XVIII – первой четверти XIX в., который передал на хранение в Рукописный отдел БАН²¹.

А.С. Лаппо-Данилевский привлек историка к участию в деятельности Исторического общества при Петербургском (Петроградском) университете. Здесь он сделал ряд докладов: на заседании 26 февраля 1914 г. «Государевы служилые и промышленные люди в Сибири XVIII века», 10 декабря 1914 г. – «Дневник А.Я. Ильина (1775–1776 гг.)», 27 января 1916 г. – «Инструкция Г.Ф. Миллера для собирания исторических сведений по Сибири»²².

Академик привлек молодого историка и к составлению еще одного каталога: указателя чиновных особ Российской империи XVIII в. по месяцесловам времени Екатерины II. Переписка с «Лапой» по поводу этой картотеки, сохранившаяся в архиве академика, была проанализирована И.В. Тункиной²³. Историк вдохновлялся задачей, которая и сейчас покажется архиважной любому специалисту в русской истории: возможностью отыскивать сведения о тех людях, которые не выдвинулись в первый эшелон власти. Для времен Екатерины II – на основе «Месяцесловов» или «Адрес-календарей»²⁴.

Составление двух картотек – огромная работа, которая потребовала значительных сил и средств, выплачиваемых по инициативе А.С. Лаппо-Данилевского. Тем обиднее, что судьба их неизвестна. По предположению И.М. Тункиной, после архивной реформы в СССР, которая последовала сразу за «академическим делом», они были переданы в Централхив.

К этой работе историка примыкает и неосуществленное издание книги «Инструкция Г.Ф. Миллера для собирания

историко-географических сведений по Сибири, данная И.Э. Фишеру в 1740 г.». Основой книги должен был стать доклад, который Георгий прочитал в Историческом обществе²⁵. Этот проект горячо поддержал А.С. Лаппо-Данилевский, за ходом издания изъявили желание наблюдать академики К.Г. Залеман и В.В. Радлов. К сожалению, издание так и не было осуществлено. Книга тиражом 415 экз. стояла в плане изданий академической типографии вплоть до 1919 г. Есть сведения, что успели напечатать 6 п.л. корректуры²⁶. Однако поиски ее следов в различных фондах петербургского академического архива пока оказались безрезультатны.

Зато, помимо упомянутого доклада, есть дело с исследованием жизни и деятельности Миллера, в частности черновой текст неизданной статьи для «Русского биографического словаря»²⁷.

Еще одна такая «сопутствующая» тема – биография Н.И. Новикова, который был тесно связан с масонами, да и сам был масон. Историк написал ее для того же «Русского биографического словаря». После октябрьского переворота издание словаря было прекращено, но статья Вернадского вышла отдельным изданием²⁸.

Но главным результатом его творчества в это время стала книга о масонах²⁹. «До сих пор книга о масонстве, изданная в 1917 году, остается лучшим исследованием о российском масонстве XVIII века», – пишет современный исследователь масонства³⁰. Нельзя, конечно, утверждать, что выбор этой темы был обусловлен влиянием петербургской исторической школы, так как этой темой интересовались и москвичи, в том числе один из учителей Вернадского – А.А. Кизеветтер, издавший в 1915 г. крупное исследование «Московские розенкрейцеры XVIII столетия». Но на характер «исполнения» этой темы петербургская школа уже, безусловно, оказывала влияние. Она влияла и на расширение исторического кругозора, на стремление охватить и осветить новые интересные и актуальные темы отечественной истории. Среди статей, которые молодой историк публикует в это время в «Русской мысли», «Голосе минувшего», «Историческом обозрении», мы находим такие темы, как «Венгерская война 1848 г.», «Из истории прусской реакции 1830–40-х гг.», «Угорская Русь и ее возрождение в середине XIX в.», «Манифест Петра III о волюнстности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг.».

Расширяется и тематика его педагогической нагрузки. Он ведет просеминарию «Русское масонство XVIII века»³¹, «Русская историография XVIII – первой четверти XIX вв.»³².

Уже находясь в Перми, где Вернадский работал в местном университете, являвшемся филиалом Петербургского университета, он в октябре 1917 г. приехал на защиту в город на Неве. В столице было сумрачно: продукты исчезали, люди боялись ходить по улицам, опасаясь бандитов. Временное правительство было уже бессильно...

Но защита прошла практически как обычно. Правда, диссертант был не во фраке, как того требовала русская университетская традиция, а лишь в спортуке. Но время было такое, что о традициях стали забывать.

Оппонентами были заранее назначены С.В. Рождественский и И.А. Шляпкин. Платонов в своих замечаниях указал диссертанту на несколько мелких ошибок, но признал ценность его труда. Подобным образом поступил и Рождественский. Замечания же Шляпкина были, по сути дела, библиографическими дополнениями к использованному диссертантом источникам. Барсков на защиту не пришел, но народу собралось немало, и кое-кто выступил. Диссертанту запомнились соображения о мистических течениях в русском масонстве, высказанные мистиком и оккультистом Н.П. Киселевым. Историко-филологический факультет Петроградского университета единогласно присудил историку степень магистра.

Работая в Перми, а потом в Крыму, историк находился как бы в сфере воздействия Петербургского университета. Достаточно сказать, что его коллегой по чтению курса российской истории и там, и здесь оказался знаменитый впоследствии советский историк В.Д. Греков, также тесно связанный с Петербургским университетом. Греков очень

хотел снова попасть в этот университет и вскоре смог это сделать: его прегрешения перед советской властью были не столь весомы, как Г.В. Вернадского, успевшего послужить несколько месяцев в правительстве Врангеля.

Историк оказался сначала на берегах Босфора, потом в Афинах и, как тогда казалось, наконец, в Праге. Анализ его работ этого времени позволяет предполагать, что он продолжал работать в рамках петербургской школы. Это в полной мере относится к его известной работе, посвященной Уставной грамоте 1820 г.³³ Нет возможности подробно разбирать эту работу. Отмечу лишь некоторый курьез. Другой блестящий представитель петербургской школы в ее уже ленинградской ипостаси – А.В. Предтеченский «упрекал» (поскольку не мог этого не делать) Вернадского в чрезмерном интересе к тексту документа, в скрупулезном его анализе³⁴. Тут, как говорится, без комментариев! Во всяком случае, такой интерес к источнику мы считаем видным признаком петербургской исторической школы. Можно сказать, что работы по новой истории России, которые писал историк в начальный период эмиграции, были в русле петербургской исторической школы. Ряд представителей петербургской исторической школы, с которыми историк работал в прекрасном коллективе Русского юридического института (В.А. Мякотин, П.Б. Струве, М.В. Шахматов и др.), продолжали оказывать на него сильное влияние.

Однако в ранний эмиграционный период историк попал под сильное обаяние другого ответвления петербургской исторической школы – искусствоведения и археологии. Оно связано с работой в другой организации: Семинарии (позже – Институте) им. Н.П. Кондакова. Это выдающийся

Seminarium Kodakovianum, внесший огромный вклад в науку³⁵. Сам Никодим Павлович Кондаков, соученик В.О. Ключевского по Московскому университету, послужив без особого удовольствия в Новороссийском университете (Одесса), обрел себя в стенах университета на берегах Невы. Здесь он написал главные труды и разработал свой исследовательский метод³⁶. В Праге, будучи профессором Карлова университета, он активно работал над завершением одного из своих главных трудов по истории древнерусской иконы. Вокруг него объединилась небольшая группа (около 10 человек) энтузиастов, которая и составила костяк Семинарии.³⁷ Свидетельством того, насколько глубоко Вернадский «вошел» в, казалось бы, новую для него тематику, является то, что лучшие очерки о Кондакове написаны не учениками мэтра, а Вернадским³⁸. Для нашей темы сейчас важно отметить, что Кондаков был создателем не только новых методов, но и школы, в которую входили Я.И. Смирнов, М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев³⁹. Вернадский был хорошо знаком с творчеством этих историков, особенно Ростовцева, который деятельно помогал ему перебраться в США. Влияние работ Ростовцева на становление Вернадского-древника хорошо известно. Надо тут вспомнить и о знакомстве Вернадского с А.А. Спицыным. В общем, полагаю, что именно эти перекрестные влияния со стороны разных ответвлений петербургской школы: исторической, искусствоведческой и археологической вызвали неистовый интерес Вернадского к русской старине. В своих работах о древней Руси он постарался синтезировать достижения историков, искусствоведов и археологов. Но рассмотрение этой темы может быть предметом только отдельной работы.

¹ Соничева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Канд. дис. М.: Гос. Акад. сферы быта и услуг, 1994 (научный руководитель д.и.н., проф. В.И. Дурновцев); *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. Это, пожалуй, основные работы об историке. В первой не использован его богатейший американский архив и проанализированы только некоторые аспекты его творчества, а вторая носит слишком общий характер, являясь своего рода первым подступом к теме. При этом уже есть диссертация о становлении Г.В. Вернадского в качестве либерального гражданина: *Бондарь А.Ю.* Общественно-политические взгляды и деятельность Г.В. Вернадского. Канд. дис. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2001 (научный руководитель к.и.н. Р.А. Арсланов). Самая серьезная работа об историке на Западе: *Halperin Charles J.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Wiesbaden. 1985. Bd. 36. P. 55–194. Однако и она не является полной. К тому же со многими оценками и трактовками американского историка трудно согласиться.

² *Вернадский Г.В.* Русская историография. М.: Аграф, 1998.

³ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 61.

⁴ *Вернадский Г.В.* Братство «Приютину» // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1968–1969. № 93, 95, 96, 97.

⁵ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 131.

⁶ См. о них: Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 554–555, 635.

⁷ Archive of Russian and East European History and Culture (далее – BAR). George Vernadsky Papers (далее – GVP) В. 97. Ф. 3. Хронологическая канва моей жизни. Ч. 1 (1887–1917). С. 28–29.

⁸ ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 46. Д. 1018. Л. 1–11. Текст данной работы не сохранился.

⁹ *Halperin Charles J.* Op. cit. P. 61.

¹⁰ *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до нач. XVI в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.

¹¹ BAR. GVP. В. 97. Ф. 3. Хронологическая канва моей жизни. Ч. 1... С. 47; *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 135.

¹² ГАРФ. Ф.1137. Оп.1. Д. 3. Л. 3–4.

¹³ Так не хотелось, что в своей «Хронологической канве» он об этом написал чернилами красного цвета (BAR. GVP. В. 97. Ф. 3. Хронологическая канва моей жизни. Ч. 1... С. 54).

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 136.

¹⁶ Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 г. Пг., 1916. С. 10 1.

¹⁷ BAR. GVP. В. 97. Ф. 1. Автобиографические заметки. С. 6.

¹⁸ *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. С. 74.

¹⁹ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 139.

²⁰ *Пылин А.Н.* Русское масонство (XVIII и первая четверть XIX в.). Пг., 1916.

²¹ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 140.

²² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 76. Л. 34, 35, 54, 88.

²³ *Тункина И.М.* Г.В.Вернадский и его научные исследования 1915 – 1917 гг. по истории России XVIII в. // *Вспомогательные исторические дисциплины* / СПБНИ РАН; Отв. ред. В.Н. Плешков. СПб.: Дм. Буланин, 2010. Т. 31. С. 400 – 409.

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. д. 87. Л. 7 – 8.

²⁵ Текст доклада сохранился в личном фонде историка: ГАРФ. Ф. 1137. Оп.1. Д. 52. Инструкция Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири. 58 л.

²⁶ *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) СПб., 2002. С. 32. Сн. 41.

²⁷ ГАРФ. Ф. 1137. Оп.1. Д. 51. 141 л.

²⁸ *Вернадский Г.В.* Николай Иванович Новиков. Пг., 1918. 163 с.

²⁹ *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. 286 с.

³⁰ Серков А.И. О Георгии Владимировиче Вернадском, авторе «Русского масонства в царствование Екатерины II» // Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. С. 506. Столь же высоки оценки и в новейшей историографии: Кондаков Ю.Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII – первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 10.

³¹ Обзорение преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском университете в осеннем полугодии 1915 и в весеннем полугодии 1916 академического года. СПб., 1915. С. 23–26.

³² Обзорение преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском университете в осеннем полугодии 1916 и в весеннем полугодии 1917 академического года. СПб., 1916. С. 24–28.

³³ Вернадский Г.В. Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 г. Историко-юридический очерк. Прага: Типография Комитета по обеспечению образования русских студентов в Ч.С.Р., 1825.

³⁴ Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 383, 393.

³⁵ Rhineland L.H. Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. XVI. № 3. P. 331–352; Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М.: Наука. 1991. С. 32–44.

³⁶ Кызласова И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 93–94.

³⁷ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты... С. 33.

³⁸ Вернадский Г.В. 1) О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. (1924); 2) Никодим Павлович Кондаков (1926) // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. Сост. И.Л. Кызласовой. М.: Индрик, 2002. С. 228–323.

³⁹ Тихонов И.Л. Указ. соч. С. 61–74.

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ХОДЯКОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 324-12-70; E-mail: khodjakov@yandex.ru

В статье рассмотрен начальный этап жизни и деятельности И.А. Михайлова – известного российского политического деятеля, экономиста, будущего министра финансов в правительстве адмирала Колчака. На основе архивных материалов, в частности личного дела студента Санкт-Петербургского университета Михайлова, выявлены некоторые неизвестные факты его биографии.

Ключевые слова: И.А. Михайлов, Санкт-Петербургский университет, юридический факультет, министерство финансов Колчака.

ИВАН АДРИАНОВИЧ МИХАЙЛОВ: СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ БУДУЩЕГО МИНИСТРА ФИНАНСОВ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ А.В. КОЛЧАКА

Иван Адрианович Михайлов был самым молодым из всех министров финансов в истории России. В 1918 г., когда на его плечи выпала эта тяжелая ноша, ему исполнилось всего 27 лет. В эпоху революционных преобразований это обстоятельство не считалось большим недостатком. Г.К. Гинс, хорошо знавший И.А. Михайлова по совместной учебе в Санкт-Петербургском университете и работе в правительстве адмирала Колчака, отмечал, что именно Михайлов был «наиболее подвижным и энергичным» членом Сибирского правительства, он казался «вездесущим и всезнающим <...> Никто не умел так быстро овладеть предметом спора и так легко формулировать заключительные положения, как он <...> Молодость его проявлялась в постоянной жизнерадостности и неутомимости». Наряду с этим вся фигура Михайлова была олицетворением «непостоянства и задора»¹.

Видный политический деятель эпохи Гражданской войны в России П.В. Вологодский, ставший премьером в правительстве А.В. Колчака, 16 июня 1918 г. записал в своем дневнике: «Михайлов, совершенно молодой человек (мне кажется, ему нет более 24–25 лет) показался мне человеком острого ума, чрезвычайно живым и симпатичным»². Не случайно, что современники нередко именовали колчаковское правительство «правительством гимназистов».

Разумеется, и сам И. Михайлов чувствовал подобное отношение к своей персоне. Ему принадлежит любопытная фраза, будто бы произнесенная в ответ на вопрос одного из иностранных журналистов: «Сколько вам лет?». – «Если бы вы знали, сколько мне лет, – сибирский рубль вообще ничего бы не стоил!»³

И.А. Михайлов родился в Карийске Забайкальской области⁴. В сохранившейся рукописной копии метрического свидетельства за № 1134 сказано: «По указу Его Императорского Величества дано сие из Забайкальской Духовной Консistorии за надлежащим подписом и приложением казенной печати ссыльно-каторжному Государственному преступнику Адриану Михайлову, вследствие его о том

прошении в удостоверение того, что в метрической книге Карийской Николаевской церкви за тысяча восемьсот девяносто второй (1892) год в первой части о родившихся под № 6 мужского пола записано так: Родился шестнадцатого декабря 1891 г., а крещен 30 января 1892 г. – Иоанн.

Родители его: Ссыльно-каторжный Государственный преступник Адриан Федорович Михайлов и законная жена его Евгения Николаевна, оба православные». Восприимцами Ивана стали: «Ссыльно-каторжный Государственный преступник Моисей Андреев Диковский и дворянка девица Надежда Федоровна Михайлова. Таинство Св. Крещения совершал священник Иннокентий Громов с диаконом Алексеем Мичуриным. Свидетельство оплаты гербовым сбором не подлежит, так как выдается лицу, лишенному всех прав состояния. Марта 20 дня 1895 года, г. Чита»⁵.

За лаконичными фразами, отраженными в метрическом свидетельстве, скрывалась драматическая история родителей Ивана Михайлова. Его отец, Адриан Федорович Михайлов, был приговорен к смертной казни за участие в убийстве в 1878 г. шефа жандармов Н.В. Мезенцова в Петербурге. В автобиографии А.Ф. Михайлова, написанной в мае 1926 г., он отмечал, что был активным участником революционного движения уже в 1870-е гг. – «пропагандировал при всяких встречах»⁶. Затем от пропаганды он перешел к конкретным действиям. Управляя пролеткой, в которой террористы скрылись с места преступления, А.Ф. Михайлов сам определил свой дальнейший жизненный путь. Получив 20 лет каторги, он отбывал ее в Забайкалье. Мать будущего министра финансов, Генриэтта Добрускина, родившаяся в бедной еврейской семье, была, по образному выражению современного историка О.В. Будницкого, натурой романтической, увлеченной идеями русской революции⁷. Они-то и привели ее в конечном итоге на каторгу.

В 1890 г. Карийская тюрьма была ликвидирована. После этого А.Ф. Михайлов оказался переведен в «вольную команду» в Акалуй (по стародавнему германскому эта категория сидельцев именовалась «каторжными внето-